эта мысль (комментирующая, по Толстому, глубокія слова Спасителя: „у Отца вашего обителей много“) философскій плюрализмъ?

И все же послѣдняго шага Толстой не рѣшается сдѣлать. Признать вѣчность индивидуальности, которая даже, какъ мы видѣли, отчасти и постулируется имъ, Толстой потому не могъ, что заранѣе отвергъ вѣсть Спасителя о воскресеніи.

Пусть обратится читатель къ попыткамъ Толстого отстоять свое отрицаніе воскресенія, оставаясь на почвѣ Евангелія; пусть вдумается въ то разложеніе пантеизма и переходъ къ философскому плюрализму, который мы только что видѣли, и чѣмъ инымъ, какъ нерѣшительностью мысли и упорствомъ чувства, объяснитъ онъ отношеніе Толстого къ проблемѣ личнаго безсмертія и воскресенія плоти? И какой уступкой,—послѣ трактатовъ „Въ чемъ моя вѣра“, „Критика догматич. богословія“,—покажутся ему тѣ строки, которыми заканчивается „Христіанское ученіе“, и которыя дышатъ агностицизмомъ. „Будетъ ли божественная сущность и послѣ смерти продолжать дѣйствовать въ раздѣльности?“ спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: „достовѣрнаго объ этомъ мы ничего не знаемъ“... Да, не дошла до сердца Толстого вѣсть Евангелія!

Разложеніе пантеизма обнаруживается у Толстого не только защитой вѣчности индивидуальности, но и въ другомъ еще направленіи. Поглощая личность, растворяя индивидуальное въ универсальномъ, пантеизмъ отказываетъ Богу въ личномъ существованіи. Мы уже указывали замѣчаніе Толстого, рѣшительно необъяснимое, что признаніе Бога личностью было бы ограниченіемъ. Но и у самого Толстого были яркія переживанія, о которыхъ онъ говоритъ, что чувствовалъ Бога какъ Существо. Соединимо ли это съ пантеизмомъ?

Пантеистическій мистицизмъ, которымъ началъ Толстой какъ богословъ, является одной изъ неизбѣжныхъ формъ, въ которыя отливается естественный религіозный опытъ,—особенно тѣхъ, кто въ своей мистической жизни живетъ лишь запросами ума. И невозможно отрицать относительную правду пантеистическаго мистицизма: міръ дѣйствительно есть твореніе Божіе, и въ немъ для проникающаго взора всегда просвѣчиваетъ Божіе сіяніе. Но въ мірѣ такъ же изначально, вѣчно и индивидуальное: Божество Еди-